

Музей

рассказ

ВОСТОЧНЫХ

30

ДРЕВНОСТЕЙ

Роза Хуснутдинова

БАБУШКА Аси Ариадна Петровна сидела у дверей дальней комнатки Музея восточных древностей и читала «Петербургские трущобы». После того как по телевизору повторили сериал «Петербургские тайны», она попросила соседку принести ей из библиотеки, в которой та работала, книгу Крестовского и теперь читала в свободное время. «Всё равно посетителей мало, сидеть скучно», – вздыхая, говорила она.

В соседней комнате, где было представлено «Искусство Центральной Азии», сидела Тоня. Она читала детективы Александры Марининой.

– Тонечка, вам замуж пора! – качала головой Ариадна Петровна. – Бросьте вы своего Макса, ну что за профессия – охранник! Выходите замуж за прилично-го человека!

– А где я его найду? – фыркала Тонечка.

Охранник Макс «ухаживал» за Тоней, как выражалась бабушка, возил её после работы в кинотеатр «Карофильм».

– Там кондиционеры в зале, бутерброды с сёмгой в буфете, Макс угощает, но мне не нравится, что он не расстанётся со своим пистолетом. Кто может напасть в кинотеатре? – вздыхала Тоня.

Двери комнат обычно были раскрыты настежь, и женщины переговаривались. О том, что вчера показывали по телевизору, о зарплате, которую могли бы им повысить, о причудливом характере директрисы Суламифи Христофоровны.

После школы Ася шла не домой, а в музей, к бабушке, проводила там часа два, пока мама не возвращалась с работы. Ася сидела на низеньком пуфике рядом с бабушкой, читала букварь, играла с котёнком Мусиком, слушала экскурсовода, который приводил в комнату посетителей, рассматривала экспонаты за стеклом.

Её пугала большая маска, висящая на стене. У маски были косматые чёрные волосы, свисающие чуть не до пола, выпученные глаза, оскаленный красный рот – страшно было даже взглянуть на

неё. Бабушка сказала, что эту маску надевал колдун во время праздника на острове Бали. Так он изгонял злых духов, сказала бабушка.

– Мне больше нравятся маленькие человечки, – призналась Ася, глядя на бронзовые, потемневшие от времени фигурки, лежавшие в стеклянном шкафу. – Можно, я выну одну фигурку, поиграю?

– Ты что, с помощью этой фигурки колдун мог переселить человека на другой остров, – говорила бабушка.

– Как? – удивлялась Ася.

– На то он и колдун, – отвечала бабушка. – А фигурки нельзя трогать ещё потому, что это музейные вещи, они стоят целое состояние. Не дай бог, потеряются, тогда мне за всю жизнь не выплатить долга...

В музее заканчивался ремонт. По залам то и дело сновали рабочие в спецовках, перепачканные мелом, известкой, они носили в руках инструменты, ведра с краской. Ася запомнила долгоязого рыжего Колю в шлеме из газеты, и Витька – маленького, шмыгающего носом.

– Извините, кажись, вас задел, – говорил он Ариадне Петровне, проходя мимо.

– Ты который раз извиняешься, а потом опять толкаешь, – качала та головой. – Плохо видишь, что ли?

– Очки разбил, – виновато отвечал Витёк.

– Надо купить новые, тебе же работать, – говорила Ариадна Петровна.

Витёк кивал и уходил вслед за Колей.

Ася сделала из проволоки куколку, похожую на одного из человечков, лежавших за стеклом.

– Бабушка, похоже? – показала она проволочную фигурку Ариадне Петровне.

– На острове Бали жители носили такие фигурки, как амулеты, чтобы уберечься от беды.

– И меня пусть оберегает от беды. Когда дорогу переходишь возле музея, столько машин!

– Я тебе свой оберег дам. – И бабушка сняла со своей руки, повязала на руку Аси браслетик из разноцветных шерстяных ниток.

– Ладно, я и то и другое буду носить, – сказала Ася.

В зал, громко споря, вошли Коля с лестницей на плече и Витёк с ведром в руке.

– Я в полицию не пойду, – сказал Витёк. – Теперь и без регистрации можно жить.

– Без регистрации нельзя, оштрафуют и вышлют, – сердито отвечал Коля.

И так резко двинул плечом, что лестница, которую он держал на плече, развернулась и задела шкаф, послышался звон разбитого стекла.

– Ну вот, разбил, теперь из полочки вычтут, – вздохнул Коля. – Собирай осколки, бросай в ведро.

Оба стали торопливо выбирать осколки стекла из шкафа, бросать в ведро.

– Вы представляете себе, что будет, когда Суламифь Христофоровна увидит это! – испуганно воскликнула Ариадна Петровна.

– Бабушка, а почему не зазвенело? – удивилась Ася. – Ты говорила, здесь сигнализация, должно звенеть.

– Отключили на время ремонта, – пояснил Коля.

– Бабуля, не вызывайте директрису, мы сейчас найдём запасное стекло и вставим. А то уволят нас, – просительно сказал он, глядя на Ариадну Петровну.

– Ну, не знаю, не знаю, – заволновалась Ариадна Петровна.

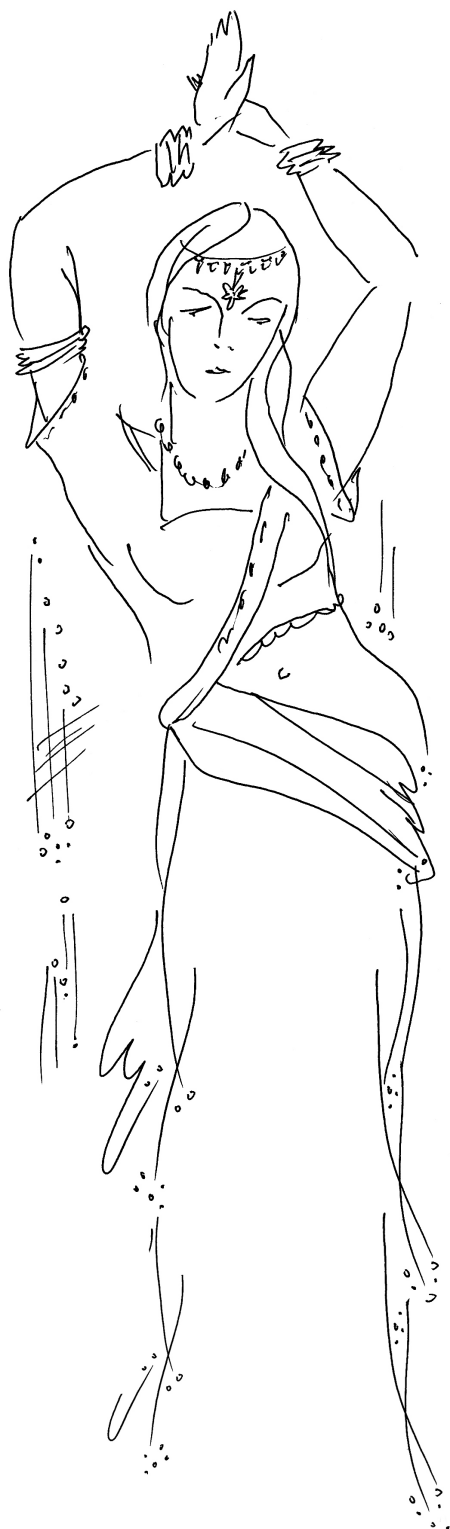
Из соседней комнаты показалась Тоня.

– А что у вас тут?

Она посмотрела на шкаф, увидела, что стекла в дверце нет, покачала головой. – Ну, вы даёте!

– Тонь, момент! Мы с Витьком сейчас принесём стекло, вставим, не вызывай директрису. Пять минут, а? Только измерю...

И Коля, вынув из кармана «сантиметр», стал торопливо измерять габариты шкафа.

– Ну, если пять минут, – сказала Тоня. – Жаль, если уволют. Они же из Молдавии, а там работы нет...

Через пять минут Коля с Витьком принесли стекло, открыли дверцу шкафа, стали прилаживать.

– Ни болтов, ни штативов, как тут стекло держалось? – удивился Коля. – Ладно, приставим пока так, а потом пощем болты, прикрутим. Сейчас сюда экскурсия идёт, Эмма Андреевна билеты для иностранцев оформляла.

Коля с Витьком приставили стекло к дверце шкафа и ушли.

Через минуту в зал вошла экскурсовод Эмма Андреевна с группой иностранцев, подвела их к стенду.

– Эту искусно выполненную маску житель острова Бали сделал много столетий назад, – звучным голосом начала она лекцию.

Девушка, стоявшая рядом с ней, переводила.

Среди посетителей Ася заметила мальчика в тёмно-сером костюмчике, с галстучком, он стоял рядом с мужчиной в пушистом свитере. Мужчина разглядывал фигурки за стеклом, внимательно слушал Эмму Андреевну, записывал что-то в блокнот.

Когда группа направилась в соседний зал, мужчина продолжал разглядывать фигурки.

А мальчик обернулся к Асе и стал смотреть, как она играет с Мусиком. Ася хотела заговорить с мальчиком, может, он говорит по-русски?

Но тут мужчина обернулся к мальчику и позвал его:

– Поль!

И оба вышли из зала.

«Поль», – удивилась Ася. Полина в классе у них была. Но чтобы мальчика звали «Поль», такого Ася не слышала.

Ася прошла по комнате. Бабушка продолжала читать книгу.

Ася подошла к шкафу и посмотрела на стенд.

– Бабушка, одной фигурки не хватает, – обернулась она.

Ариадна Петровна схватилась за сердце.

В дверях показалась Тоня с яблоком в руке.

– Тоня, бронзовую фигурку украли, – прошептала Ариадна Петровна.

– Без паники, – скомандовала Тоня. – Сейчас разберёмся. Кто тут был? Коля, Витёк? Ещё кто?

– Эмма Андреевна с иностранцами, – прошептала Ариадна Петровна.

– Ну, если иностранцы, они взять не могли, они группой ходят.

– Один дядя оставался, когда группа ушла, – вспомнила Ася. – И мальчик Поль. Но они не были похожи на бандитов, которых по телевизору показывают...

Тоня ушла в свою комнату, стала звонить:

– Коля, сейчас же иди сюда вместе с Витьком!

– Слава богу, что Суламифь уехала в министерство, – сказала она. – Деньги на ремонт просить. Только вряд ли Порфирий Иванович что-то даст. Он никогда ничего не даёт, только обещает.

Порфирий Иванович Шайкин-Лейкин был чиновником из Министерства культуры, иногда приезжал в музей, с озабоченным видом проходил по залам, спрашивал: «Сигнализация работает?» И уезжал.

Ася один раз с ним поздоровалась, а он не ответил. Из чего она заключила, что он не очень вежливый человек, хоть и работает в Министерстве культуры.

Вошёл Коля.

– Чего, Тонь?

– Пропала вещь из шкафа, – многозначительно произнесла она. – Пока вы стекло вставляли. Где Витёк?

– В медпункт пошёл, он палец порезал, пока осколки собирали. Да не может быть, чтобы что-то пропало.

Но потом Коля схватился за голову:

– Всё, теперь точно уволят! Ещё и полицию вызовут, засадят! Тонь, помоги! Век не забуду. Не брали мы ничего!

– Может, иностранцы? – задумчиво произнесла Ариадна Петровна. – Например, среди группы был кто-то, кто эмигрировал после революции. Какой-нибудь граф, князь. Он приехал в Рос-

сию, чтобы вернуть родовой особняк. Но увидел, что в особняке музей, не вернут. И тогда он взял с собой одну вещичку на память. Могло такое быть?

– Ох, Ариадна Петровна, у вас все – графы, князья! По-другому всё было! – махнула рукой Тоня. – Опытный преступник загипнотизировал человека, который должен был пойти в музей и взять ценную вещь, чтобы потом продать её и получить большие деньги. Помните, как Каменская раскрыла преступление с загипнотизированным убийцей?

– Да не убийцы мы! – схватился Коля за голову. – Я по воскресеньям в церковь хожу!

В комнату вошёл Витёк с перевязанной рукой. – Звал, Коль?

– Витёк, тут ограбление вышло, – сказал Коля. – Пропала ценная вещь.

Витёк побледнел, метнулся назад, наткнулся на косяк двери.

– Коль, смываться надо, заметут! – прохрипел он с ужасом в голосе.

– Если вы не виноваты, не надо волноваться, – участливо сказала Ариадна Петровна. – Где моя сумочка? Там валидол был. Надо человеку дать. Про себя я уже не говорю, меня-то уволят, как миленькую. Ещё и выплачивать придётся...

– Ох! – прошептала Тоня, глядя куда-то вверх. – Силы небесные! Помогите!

Все взглянули туда, куда она показывала пальцем. И замерли. Огромная маска на стене двигалась, косматые волосы раскачивались из стороны в сторону, выпученные глаза вращались.

– За украденную вещь грозит, хочет отомстить! – прошептала Ариадна Петровна.

– Колдуны и вправду могут наказывать! Мне Анька из Мытищ рассказывала, – прошептала, побледнев, Тоня.

– Тонь, не бойсь, я этому заморскому гаду покажу! – Коля схватил швабру, прислонённую к окну, выставил перед собой.

– А ну, нечисть поганая, назад! – И он замахнулся на маску.

Тут из-за маски на пол спрыгнул котёнок.

– Ой, это же Мусик! – засмеялась Тоня и схватила котёнка на руки, стала гладить.

Мусик запищал.

– Ну, слава богу, всё разъяснилось, да здравствуют музы, да здравствует разум! – с облегчением сказала Ариадна Петровна.

– А с пропажей как быть? – спросил Коля.

В комнату вошла Асина мама с сумками в руках.

– Ася, домой. У Вас что-то случилось? Мама, ты такая бледная!

– У нас кража, – прошептала Ариадна Петровна.

– Рассказывайте, – кивнула мама.

Ариадна Петровна и Тоня стали рассказывать о происшествии. Коля и Витёк время от времени вставляли замечания, вроде того, что «кто ж знал!» или «нам хана!»

Мама подошла к шкафу, медленно обошла его со всех сторон. Отодвинула стекло, приставленное Колей, пошарила рукой за постаментом и вытащила оттуда маленькую фигурку.

– Это пропало? – спросила она.

– Ох! Слава тебе, господи, нашлась! – захлопала в ладоши Тоня.

Все опять притихли, стали думать, как же это случилось.

– Может, когда осколки собирали, Витёк эту штуковину туда и отбросил... А, Витёк? – предположил Коля.

– Ну, я думал, просто железка, кому она нужна, – смущённо произнёс Витёк.

– Витя, тебе срочно нужны очки, – сказала Ариадна Петровна. – Если бы ты видел, что это музейная вещь, не бросал бы куда попало.

Домой Ася возвращалась в прекрасном настроении. Она радовалась, что у неё такая мама, которая из любой передряги находит выход. И бабушке теперь не надо выплачивать «огромных» денег. Ася время от времени поглядывала на кисть руки, обвязанную верёвочкой из разноцветных ниток. Да, у неё есть оберег, значит, ничего плохого с ней, мамой, бабушкой и папой в ближайшее время не случится.

Но как же она ошибалась!

Когда пришли домой, на столе в большой комнате лежала записка от папы.

– «Уехал в Дубну, к Губкину, попробую там провести эксперимент. Позвоню», – прочла вслух мама и вздохнула.

– Наверное, в институте опять не дали зарплату, – сказала бабушка. – Ведь они только от аренды помещения получают, не от правительства. О чём думает министр по науке? Учёные живут на гроши, а тому хоть бы что!

– «Вер райтет зо шпэт дурх нахт унд винд?» – продекламировала она.

Бабушка когда-то работала учительницей немецкого языка и в моменты сильного волнения начинала декламировать стихи немецких поэтов.

Мама открыла крышку от чайной коробки в шкафу и вздохнула:

– Федя и денег с собой не взял.

– Ну, не хочет отрываться от семьи, – сказала бабушка. – Возьмёт в долг у Губкина.

Укладываясь спать, Ася обнаружила, что потеряла верёвочку из разноцветных ниток. Хотела сказать об этом бабушке, но та уже спала, прикрыв голову книжкой Крестовского.

На следующий день в музее произошла неприятность.

Ася сидела на пуфике возле бабушки, читала букварь, тут из соседней комнаты прибежала Тоня и запричитала.

– Ой, что сейчас Коля рассказал! Он с Витьком ехал в метро, вдруг возле эскалатора их подозвали менты, спросили документы. У Коли паспорт с собой был, а Витёк забыл свой в общежитии. Менты забрали его в участок. Коля позвонил Суламифи, и та примчалась на своей машине в отделение полиции. Закричала: «Если вы, товарищ Красномырдин, сейчас же не отпустите моего сотрудника, я устрою такое, что мало не покажется! Ваше здание загорится! Вон, уже задымление начинается». Вытянула руку в сторону сейфа, стоящего в углу, откуда повалил дым. Коля стоял рядом с Суламифью и видел всё своими глазами. Красномырдин так перепугал-

ся, открыл окна в комнате и приказал отпустить Витька.

– Но что там горело, откуда был дым? – задумчиво спросила Ариадна Петровна.

– Коля потом спросил у Суламифи. Она ответила, что бросила в угол комнаты щепотку вещества, которое создаёт дымовой эффект, на концертах певцы так делают, для эффекта, это не вредно для здоровья.

– Да, Суламифь – удивительная женщина! – покачала головой Ариадна Петровна.

Асе очень нравилась Суламифь Христофоровна. Маленькая, складная, быстрая в движениях, она походила на одну из статуэток за стёклами стендов музея. Казалось, вот-вот начнёт танцевать. Зелёные глаза её были широко распахнуты, короткие волосы вились кудрями, одета она была в брюки и блузку в кружевах и оборочках, а поверх этого был накинут хитон из сверкающей парчи. Когда она стремительно шла по залам музея, полы хитона развевались как крылья. И голос у неё был певучий, завораживающий. «Я вас прямо как сирену заслушался», – признался однажды посетитель, когда директриса вела экскурсию.

Как-то в музей пришла индийская делегация, Суламифь Христофоровна станцевала индийский танец. Надела красное с золотом сари, на лбу поставила красную точку и станцевала босиком под звуки ситара, гости были в восторге.

Перед индонезийской делегацией выступила с показом обряда колдовства, как это у них происходит на родине. Гости удивились точности обряда.

Бабушка говорила, что Суламифь – «гремучая смесь», то ли испанка, то ли гречанка, к тому же – украинка и калмычка, в ней намешано «много кровей».

Суламифь самозабвенно любила музей, помнила про все экспонаты, выставленные в залах, хранящиеся в запасниках. Проходя по залам, здоровалась с ними, как с живыми существами. Войдёт в Японский зал, подойдёт к стенду, где выставлена статуэтка из

слоновой кости и скажет: «Приветствую тебя, богиня Каннон! Надеюсь, ты сегодня милостива к нам?»

В Китайском зале подходила к помосту, где был выставлен китайский бумажный дракон и спрашивала. – Как поживает наш огнедышащий? Ничего ещё не спалил?»

В зале «Искусство Центральной Азии» Суламифь смотрела на стенд, где висел свадебный мужской халат из яркого хан-атласа, шитая золотом тубетейка, под халатом – кожаные сапожки с загнутыми носками и спрашивала: «Как поживает наш благородный самаркандский жених?»

Проходя по залам, Ася тоже пыталась разговаривать с экспонатами. Но у неё получалось не так складно, как у Суламифи. Ася нарисовала в альбоме богиню Каннон, бумажного китайского дракона, самаркандский халат, над ним пририсовала лицо с чёрными бровями и усами. Показала бабушке. Той больше всего понравился красно-жёлто-синезелёный дракон, она сказала, что он «радостный и похож на настоящий экспонат».

Из Дубны позвонил папа. Мама поговорила с ним несколько минут, потом сказала:

– Ну что ж, желаю удачи, Губкину привет.

– Не думает возвращаться? – спросила бабушка.

– Губкин дал ему лабораторию с оборудованием, и Федя начал работать, доволен.

– Вечный двигатель изобретает? – спросила бабушка.

– Не вечный, а высокоэкономичный, – возразила мама.

– Что это значит? – спросила Ася.

– Это значит, что система может работать от ничтожной порции энергии. Федя считает, что наш мир стал слишком зависеть от нефти и газа, надо придумать что-то другое, заменяющее их.

– А как он там питается? – не унималась бабушка.

– Там есть столовая, дешевле, чем в Москве. Вы же знаете, Федя непривык-

лив в еде, может довольствоваться картошкой с селёдкой и пить простую воду.

– И я могу пить простую воду, – сказала Ася. – А про меня спросил?

Мама кивнула. – Сказал, что когда вернётся, попросит тебя прочесть стихотворения, которые вы вместе читали.

– Ну, наизусть я не помню, – покачала головой Ася.

В музее заканчивался ремонт, рабочих почти не было видно. В зал к Тоне зачастил Коля, он приходил теперь не в перепачканной краской спецовке, а в джинсах и свитере, причёсанный и умытый. Входил, смущённо поглядывал на Тоню и спрашивал:

– Тонь, не расскажешь про этот стенд, я в Узбекистане бывал раньше, но в музее там не ходил.

Тоня подходила к стенду, брала в руки указку и голосом экскурсовода произносила:

– Журна является любимым музыкальным инструментом узбеков. Журнайчи вместе с барабанщиками приглашались в дома, где родился ребёнок, чтобы радостной музыкой приветствовать это событие. Журна и барабан звучали в предутренние часы, возвещая время первой молитвы и во время казни, чтобы заглушить голоса осуждённых.

– Тонь, у тебя такие маленькие ушки, – говорил Коля, придвигаясь к ней.

Тоня сдвигала брови:

– Коля, ты пришёл, чтобы лекцию послушать или про мои ушки поговорить?

Коля вздыхал и уходил из зала.

– Тонь, – интересовалась бабушка. – А Макс не устраивает тебе сцен из-за Коли? Что-то давно его не видать.

– Я с ним больше не разговариваю, – отвечала Тоня.

– Почему? – удивилась бабушка.

– Повёз меня на «Ночной дозор» в «Каро-фильм», а когда провозжал до дома, вдруг выхватил пистолет и выстрелил в бродячую собаку, которая шла за нами. Слава богу, не попал, но всё равно – с психикой у него неладно. Чуть что – пистолет вытаскивает. Коля спокойнее. И человек, видно, хороший, вон как за Витьком присматривает.

Леонида Филатова любит. Книжку его мне подарил. «Про Федота-стрельца, удалого молодца». Мне понравилось.

– Ну, может, это и к лучшему, – улыбнулась бабушка. – Я тоже хочу почитать Филатова. Интеллигентный артист был. Жаль, что нас покидают самые красивые, самые талантливые!

– «Зи лебтен зих байде, дох кайнер», – продекламировала она. – «Они любили друг друга так долго и нежно».

– Тоня рассказывала про музыкальный инструмент как экскурсовод, – заметила Ася бабушке.

– Ну, теперь смотрительницы должны знать материал своего зала, чтобы в случае чего заменить экскурсовода, – объяснила Ариадна Петровна. – Суламифь Христофоровна попросила об этом. Обещала за это повисить зарплату.

– Я тоже выучу материал про твой зал, – сказала Ася.

В один из дней в комнату, где сидела Ася с бабушкой, вошла Тоня и сообщила. – Эмма Андреевна уволилась, теперь экскурсовода нет.

– Но ведь в научном отделе есть две кандидаты, – вспомнила бабушка.

– Они опись составляют, в компьютеры заносят, им не до экскурсий, – развела руками Тоня.

– А почему Эмма Андреевна уволилась? – спросила бабушка.

– Устроилась работать в частной галерее, там зарплата в пять раз больше, чем у нас.

Теперь экскурсии в музее проводила сама Суламифь Христофоровна или её заместительница Верочка. Но у той был такой тихий голос и говорила она с такими паузами и запинками, что посетители разбредались по залу, сами разглядывали экспонаты.

А потом появился новый экскурсовод – Алишер Саидов. Он был из Узбекистана, учился когда-то с Суламифью в одном институте, в Санкт-Петербурге, работал у себя на родине в музее, но когда музей закрыли, остался без работы и поехал в Москву на заработки. Дома у него остались жена и трое де-

тей. Сначала устроился на стройку каменщиком, но сломал руку и стал искать знакомых в Москве. Нашёл Суламифь в музее, она и взяла его на работу. Так рассказала Тоня Ариадне Петровне, а сама она слышала это от бухгалтерши, которая оформляла нового сотрудника на работу.

– Он похож на узбека с рынка, – сказала Тоня.

– Ну да, он же узбек. Но, по-моему, у него интеллигентное лицо, – возразила Ариадна Петровна.

– Ночует в подсобке, где стоит диван, китайская ваза и шкаф с керамикой, – сказала Тоня.

– Наверное, Суламифь разрешила ему ночевать там, пока он не нашёл жильё, – сказала бабушка. – Что же делать, если человеку негде ночевать.

Ася познакомилась с новым сотрудником, когда бабушка попросила её принести из гардеробной платок из кармана пальто.

Ася с платком в руке шла из гардеробной мимо подсобки, как вдруг услышала голос Суламифи и чей-то незнакомый голос.

– Суля, в Москве так холодно, так много машин, – вздыхая, произнесил тихий голос. – Больше, чем людей.

– Наш музей в центре, поэтому так кажется, на окраине машин меньше, – отвечала Суламифь. – Просто ты ещё не привык к Москве и, наверное, скучаешь по своим, да?

– Да, – грустно отвечал голос.

– А ты защитил кандидатскую? – спросила Суламифь. – Кажется, у тебя была чудная тема: «Шаманские обряды хорезмийских узбеков».

– Защитил.

– Но почему всё-таки закрыли музей?

– Музей не закрыли, меня уволили.

– Почему?

– Директор музея подарил гостю из Саудовской Аравии саблю семнадцатого века, раритет. Я возмутился и написал об этом в газете, меня и уволили.

– Здесь музейщики тоже борются с властями, – вздохнула Суламифь. –

Только силы неравны. Хотя какие-то колдовские обряды применяй, чтобы обуздать алчность кое-кого.

Через несколько дней Ася, бабушка и Тоня увидели, как проводит экскурсию Алишер Саидов.

В залах было тихо, Ася сидела рядом с бабушкой, обе читали, когда вдаль послышались громкие ребячьи голоса и смех.

– Кажется, школьники с экскурсией пришли, – подняла голову бабушка.

Голоса и смех приближались. Тоня поднялась со стула.

– Пойду, посмотрю, чему смеются.

Через минуту вернулась и сообщила:

– Алишер проводит экскурсию для ребят, показывает им танец китайского дракона, у него на лице картонная маска.

– Зачем же он взял экспонат из шкафа? Маску трогать нельзя, – покачала головой Ариадна Петровна.

Посидев, тоже поднялась с места.

– Пойду, посмотрю.

Вернувшись, взволнованно сообщила:

– Он в японском зале, рассказывает ребятам про бусидо – кодекс чести воина-самурая. Собрал волосы в пучок, как носили самураи в Японии, и показывает прыжки, движения воина.

До Тониного зала школьники не дошли, их увела учительница, сказав, что они опаздывают на спектакль. Но после обеда другая группа посетителей вошла в зал «Искусство Центральной Азии». Ариадна Петровна и Ася приоткрыли дверь, чтобы послушать нового экскурсовода.

– Видите бронзовую ступку и пестик? – спросил Алишер, показывая на экспонат за стеклом. – В такой ступке среднеазиатские врачи приготавливали лекарства для больных. Толкли мускатный орех, плоды тамариска, красный перец, крупинки золота, жемчуг, добавляли розовое масло, яблочный уксус, другие ингредиенты, лечили больных по рецептам великого учёного Средневековья Ибн Сина (Авиценны). Он был

философом, учёным, написал замечательные труды по медицине, которыми пользовались в Средней Азии и в Европе. Его книга «Опыт врачебной этики» переведена на многие языки мира, ею пользуются врачи и в наше время.

– А от боли в суставах у Авиценны был рецепт? – спросила одна из посетительниц.

– Думаю, был, – улыбнулся Алишер.

– А вы, случайно, не знаете его? – продолжала женщина.

– Хорошо бы ещё узнать рецепт от щитовидки, – вздохнула другая. – А то совсем замучилась.

– Книги Авиценны переведены на многие языки мира, в том числе и на русский, – сказал Алишер. – Думаю, в библиотеках их можно найти.

Потом он рассказал, как проходили свадьбы в Самарканде, как зурнайчи и барабанщики веселили народ на праздниках, прочёл стихотворение Алишера Навои о любви, вспомнил об Омаре Хайяме. Все остались довольны экскурсией, горячо благодарили Алишера и написали хвалебный отзыв в Книгу пожеланий.

Вечером, когда уходили домой, Ариадна Петровна подошла к Алишеру и сказала:

– Ваши экскурсии, Алишер, очень интересны, но зачем вы взяли китайскую маску, когда показывали танец дракона? Экспонаты трогать нельзя.

– Эту маску я сделал сам, – улыбнулся он. – Хотите, покажу?

И принёс из комнаты картонную маску, надел на лицо.

На ней были нарисованы выпученные глаза, мохнатые чёрные брови, оскаленные зубы.

– Ой, как похожа на настоящую! – засмеялась бабушка.

– Я тоже хочу сделать такую! – сказала Ася.

– Заходи ко мне, вместе сделаем, – кивнул он и ушёл в кабинет директрисы.

Экскурсии в музее продолжались. Однажды приехали телевизионщики с камерой и сняли экскурсию, которую проводил Алишер Саидов. Он каждый

раз придумывал что-то новое. Потом его показали по телевизору, в новостях культуры.

В музее появился Порфирий Иванович. В кабинете директрисы у него произошёл шумный разговор с Суламифью Христофоровной. Дверь была открыта, и сотрудники всё слышали.

– Зачем вы взяли в музей гастербайтера? – сердито спрашивал Порфирий Иванович.

– Он прекрасно знает музейное дело, а у меня уволился экскурсовод. Москвичи не соглашаются работать за такую зарплату, какую вы установили в Министерстве культуры! – отвечала Суламифь.

– Надо самим изыскивать средства, как это делают другие музеи, – сказал Порфирий Иванович. – Вы могли бы сдавать помещения в аренду.

– У нас и так не хватает помещений. Выставлено всего пять процентов фондов! – отвечала Суламифь. – Если бы вы похлопотали, чтобы нам дали соседний дом, в котором разместился бутик, где продают платья по тысяче долларов за штуку, мы бы не жили в такой тесноте!

Потом в музее случилось ночное происшествие, об этом рассказал сам Алишер. Он проснулся ночью от какого-то шума и вышел из комнатки, в которой ночевал. Прошёл по музею и в Китайском зале обнаружил охранника Макса и его напарника, они сидели на пуфике возле раскрытой дверцы стеклянного шкафа и пили водку из пиалок старинного китайского сервиза. «Что вы делаете, это же музейная вещь!» – закричал Алишер. Макс выхватил пистолет из-за пояса и крикнул: «Проваливай!» Утром Алишер рассказал об этом Суламифи, и та уволила Макса и его напарника.

– Я вспомнила Аркадия Райкина! – засмеялась бабушка, когда выслушала рассказ Алишера. – Как один посетитель решил выпить в греческом зале Музея имени Пушкина, помните? Райкин так смешно изображал этого пьяницу: «В греческом зале, в греческом зале!»

– Ариадна Петровна, вы так много знаете! – покачала головой Тоня.

– Деточка, я живу давно, вот и повидала много. Но Райкина я особенно любила!

В музей позвонили из посольства Узбекистана, попросили позвать к телефону сотрудника Саидова. Он поговорил с кем-то по-узбекски, а потом сообщил Суламифи, что его зовут вернуться обратно в Узбекистан. Обещают работу в музее, теперь уже в качестве директора.

– Поедешь? – спросила Суламифь.

– Да, соскучился по своим, – кивнул он. – Но я тебе очень благодарен, Суля, ты настоящий друг и прекраснейшая из женщин.

Алишер Саидов устроил «прощальный плов» для тех, с кем подружился. Пригласил Суламифь, Ариадну Петровну, Тоню и Верочку. Ася тоже пришла с бабушкой.

В комнатке Алишера на столе стояло блюдо с дымящимся оранжевым пловом, на тарелке лежали лепёшки, редис, была разложена зелень, а в вазе красовались персики, гранаты и яблоки.

– Ой, как красиво! Откуда плов? – удивилась Суламифь. – Ты не мог его здесь приготовить!

– Земляки меня нашли, из ресторана «Ходжа Насреддин», – засмеялся Алишер. – Они по телевизору меня видели. Нашли, принесли...

– Какой чудесный аромат! – воскликнула Ариадна Петровна. – Я в войну жила в Ташкенте, в эвакуации, и на всю жизнь запомнила запах узбекского плова! Там его на улицах продают...

После еды Алишер угостил всех зелёным чаем, разлил по пиалкам. Тоня попросила налить ей в чашку, а бабушка и Ася вполне управились с пиалками.

Алишер показал фотографии семьи, жены и трёх дочерей, фотографию двора, где семья сидела под большим зелёным деревом на широкой тахте.

– Это какое дерево? – спросила Ася, разглядывая фотографию.

– Платан, – ответил Алишер. – Ему сто лет.

– А помнишь, Суля, как в институте

с тобой танцевали в самодеятельности? – спросил он.

– Хорезмийский танец? – спросила Суламифь, улыбаясь.

Он кивнул.

– Пожалуйста, станцуйте! – запрыгала Ася.

– Да, пожалуйста! – попросила и Ариадна Петровна. – Вы же, Суламифь Христофоровна, иногда танцуете перед делегациями. Я даже думаю, если бы вы не стали искусствоведом, могли бы стать танцовщицей.

– Ну хорошо! – Суламифь щёлкнула пальцами, поднялась, вопросительно взглянула на Алишера. – Готов, Али?

Алишер снял пиджак, достал из кармана смартфон...

– Идёмте в зал, – сказал он. – Там просторнее.

Все направились в зал «Искусство Центральной Азии».

Под звуки флейты, барабана и зурны, что зазвучали из смартфона, Суламифь и Алишер исполнили диковинный танец. Сначала они двигались медленно, сгибались до пола, касаясь его вытянутыми пальцами, выпрямлялись, тянулись вверх, щёлкали пальцами, вытягивали шеи, свистели, клёкотали, взмахивали руками, как крыльями, потом закружились, всё быстрее и быстрее, наконец, застыли с сияющими лицами, глядя вверх.

– Как называется этот танец, что он обозначает? – изумлённо спросила Ариадна Петровна. – Мне вспомнился Махмуд Эсамбаев, его танец, посвящённый солнцу. Гениальный танцовщик был!

– Это древний хорезмийский танец, пляска птиц, встречающих восход солнца, – ответил Алишер. – Его и сейчас танцуют.

Когда вернулись в комнату, Суламифь спросила:

– Али, а ты помнишь девиз нашего курса?

– Конечно, – кивнул тот. – Музейщики всех стран, объединяйтесь!

– Замечательно! – воскликнула бабушка.

– Видишь кого-нибудь из наших? – спросила Суламифь.

– Вот, тебя увидел. Ещё переписываюсь с Мишей из Вологодского музея. И с Лёней из Русского. Сейчас всё сложнее, живём в разных странах...

– Но люди культуры должны объединяться! – решительно заявила бабушка.

На другой день Алишера уже не было в музее, он уехал к себе на родину.

Суламифь взяла в сотрудники молодого человека, кончившего недавно Строгановский институт. Он вёл экскурсии подробно, обстоятельно, но не так увлекательно, как Алишер.

В один из дней, когда Ася сидела в музее рядом с бабушкой, вошла взволнованная Тоня и сказала. – Суламифь закрылась в своём кабинете и никому не открывает. Разговаривает только со статуэткой богини Лакшми. Шайкин-Лейкин к ней приезжал.

– Статуэтка богини Лакшми, которая стоит вот так? – Ася изобразила позу богини Лакшми.

Бабушка нетерпеливо махнула рукой:

– Подожди, Ася. Что сказал Шайкин-Лейкин Суламифи?

– Бухгалтерша слышала, как он заявил, что Музей переселяют в Выхино. А здесь что-то пристроят и разместят Дворец дружбы, для встреч с зарубежными гостями, – ответила Тоня. – Суламифь крикнула: «Хотите наладить свой бизнес? Пристроить к зданию подземный гараж и ресторан? Алчный вы человек! Вас самих надо переселить на остров в океане! И я это сделаю!» Шайкин-Лейкин выскочил из кабинета весь красный и уехал на своём драндулете.

– Если музей переселят к чёрту на кулички, я не останусь работать.

Тоня прошла по залу и сказала:

– Неужели вы думаете, что Суламифь не сумеет справиться с Шайкин-Лейкиным?

– А как она это сделает? – удивилась Ариадна Петровна.

– Здесь столько богов, богинь, колдунов, магических предметов, Суламифь прекрасно знает все обряды, ритуалы, которые совершались с их помощью. Вот и сумеет их совершить! Мне Аня из Мытищ рассказывала: у них по со-

седству появилась ясновидящая, кто к ней не придёт, всё про него расскажет, и какие болезни у него, и сколько раз женился, и какой будет конец...

– Да, сейчас столько шарлатанов, колдунов всяких, – вздохнула бабушка.

– Но есть и настоящие целители! И чтобы проучить какого-нибудь прощельгу, можно применить особые знания! – воскликнула Тоня. – Я, например, верю в вещие сны. Что мне приснится, то и сбывается. Вчера приснилось, что Коля сделал предложение. И что же? Сбылось. Сегодня сделал!

– Приняла предложение? – спросила бабушка.

– Да. Мама сказала, что мы можем жить у нас в большой комнате, она согласна жить в маленькой. Поженимся, и я получу «материнский капитал».

– Разве у тебя есть ребёнок? – удивилась бабушка. – По моему, деньги дают только за второго...

– Рожу сразу двоих, – решительно заявила Тоня. – Или сначала одного, потом – сразу второго.

Ася поднялась и направилась к двери. Прошла коридор и приблизилась к кабинету директрисы. Заглянула в приоткрытую дверь.

Суламифь сидела за столом, низко склонив голову, держа в руке статуэтку богини Лакшми.

– Что делать, дорогая Лакшми? – спрашивала она шёпотом.

Асе так захотелось войти, сказать что-нибудь в утешение. Но что?

Ася зашагала обратно.

Проходя по коридору, нащупала в кармане проволочную фигурку, которую сделала наподобие той бронзовой, что хранилась в стеклянном шкафу в зале бабушки. Один раз эта фигурка потерялась, а мама её нашла. Замечательная мысль пришла в голову Асе.

Она вошла в Японский зал, подошла к шкафу, в котором за стеклом стояла фигурка из слоновой кости, сжала пальцами проволочную фигурку в кармане и сказала шёпотом:

– О, богиня Каннон, сделай так, чтобы Суламифь победила Шайкина-Лейкина!

Прошла в китайский зал, приблизилась к бумажному дракону, обратилась к нему:

– О, огнедышащий дракон! Сделай так, чтобы Суламифь победила!

Прошла в зал «Искусство Центральной Азии» и попросила:

– О, благородный самаркандский жених, помоги Суламифи!

Когда бабушка с Тоней ушли пить чай в буфет, Ася подошла к чёрной маске с косматыми волосами и оскаленным ртом, висящей на стене, сказала:

– О, чёрная маска с острова Бали! Сделай так, чтобы Шайкин-Лейкин улетел подальше и не появлялся больше в музее!

– Что ты там шепчешь, Ася, будто колдуешь? – спросила, входя в зал, бабушка.

Прошло несколько дней. В музее ожидали очередного прихода Шайкина-Лейкина, но он что-то не появлялся.

Зато пришёл Витёк. Он был в новых очках, рассказал Ариадне Петровне и Тоне, что теперь работает на другом объекте. Разбирают старый дом, на месте которого будут возводить другой, многоэтажный. Витёк показал Ариадне Петровне деревянную резную шкатулку, в которой лежали пожелтевшие фотографии. Витёк сказал, что увидел шкатулку в ящике с мусором, который выносили из разрушенного дома, подумал: вдруг это музейная вещь?

– Не музейная вещь, конечно, но жаль, что чьи-то фотографии выкидывают на свалку как мусор, ведь и эти люди были для кого-то дороги, – вздохнула бабушка. – Здесь на обороте и фамилии написаны... Знаешь что, Витёк? Оставь мне, может, я перешлю их в Музей Москвы, пусть висят там, пусть свидетельствуют, что когда-то жили в Москве эти люди, хоть они и не были знаменитыми.

Шайкин-Лейкин по-прежнему не показывался в музее. Тоня услышала от бухгалтерши, что его уволили из Министерства. Оказывается, он поехал по туристической путёвке на остров Бали и никак не мог оттуда выбраться. Как только подходил к трапу самолёта, чтобы вылететь в Москву, начинал дико

хототать, и проводницы не решались пускать его в самолёт, считали, что он временно помешался в жарком климате. В министерстве сочли, что Шайкин-Лейкин пренебрегает служебными обязанностями и уволили его.

Но Ася-то думала, что подействовали её обращения к богине Каннон, к бумажному дракону, к самаркандскому халату и к чёрной маске с острова Бали. Ну, может, и Суламифь совершила какой-нибудь обряд, чтобы отправить Шайкина-Лейкина «на остров в океане», как обещала.

Бабушка осталась работать в музее, Тоня – тоже.

Потом произошло удивительное событие. Музей восточных древностей получил в подарок от семьи Елагиных, проживающих во Франции, несколько ценных предметов: старинную китайскую вазу, лакированную деревянную шкатулочку и маленького китайского болванчика из бронзы. Эти вещи находились в личной коллекции девяностопятилетней гражданки Франции, урождённой Елагиной Екатерины Васильевны, покинувшей Россию в дни революции. Недавно она скончалась, и в завещании было написано, что она дарит эти предметы Музею восточных древностей в Москве в память о счастливых днях своего детства, проведённого в России. Дарить вещи в Москву приехал тот самый мальчик Поль и его отец, которых Ася запомнила во время давней экскурсии. Суламифь была счастлива. В Китайском зале открыли уголок с дарственными вещами, написали, чей это дар, устроили праздник, на который пригласили друзей музея, журналистов и телевизионщиков. Асю больше всего поразило, что от имени семьи Елагиных выступил не взрослый мужчина, отец Поля, а сам Поль. Он говорил на чистом русском языке, рассказал, какой замечательной была его прабабушка, а в конце выступления попросил разрешения прочесть её любимое стихотворение.

**Цветок засохший, безуханный,
Забывтый в книге вижу я;
И вот уже мечтою странной
Душа наполнилась моя.**

Где цвёл? когда? какой весной?
И долго ль цвёл? и сорван кем,
Чужой, знакомой ли рукою?
И положён сюда зачем?..

– читал Поль медленно, чётко выговаривая слова.

Когда он закончил стихотворение, все присутствующие зааплодировали, а один журналист сфотографировал его. Потом Суламифь позвала всех в свой кабинет, взрослые потянулись за ней. Поль остался в зале, стал играть с Мусиком. Ася уже немножко познакомилась с Полем до праздника. Успела рассказать ему, что её папа – талантливый физик, работает над «высокоэкономичным» двигателем, так как сейчас люди очень зависят от нефти и газа, и папе это не нравится. Ещё рассказала, что её бабушка много читает, знает стихи немецких поэтов. Поль рассказал, что учится во втором классе лицея, ему там нравится, при лицее есть большой зелёный парк и на переменах там можно бегать и играть в мяч.

– Поль, мне очень понравилось стихотворение про цветок! – призналась Ася, улыбаясь.

– Ну да, это же Пушкин написал, – ответил Поль.

Ася вспыхнула, она этого не знала. Она стояла, красная от смущения, и молчала.

И тут в зал вернулся отец Поля, сказал:

– Поль, нам пора!

Поль спустил на пол котёнка, посмотрел на Асю:

– До свиданья, Ася. Папа сказал, что теперь мы часто будем приезжать в Москву. До встречи.

И ушёл.

Ася в слезах шла по коридору. Подошла к двери бабушкиного зала.

– Ну, вот, Тонечка, ты всё не верила,

что есть ещё за границей графы и князья, которые помнят о России! И вот – пожалуйста, семья Елагиных! Какие замечательные люди! И какой подарок сделали музею! Наши соотечественники!

– Ох, Ариадна Петровна, это уходящая натура! Их всего – раз-два и обчёлся! – вздохнула Тоня.

– Ася, что случилось? Почему ты плачешь? – забеспокоилась Ариадна Петровна, увидев Асю.

– Бабушка, я не знала, что стихотворение про цветок написал Пушкин! – выкрикнула Ася. – А Поль знал!

– Ну, милая моя, он же старше тебя, на целый год, вот и успел выучить. Но мы с тобой тоже будем читать и Пушкина, и других классиков, я даже Авиценну отложу в сторону, хотя там масса полезного и интересного.

В воскресенье Ася, мама и бабушка поехали в Дубну, папа пригласил в гости. Он встретил их возле одного из корпусов НИИ, рядом с лесом. Показал комнату, которую выделил ему институт, сообщил, что Министерство по науке, наконец, начало финансировать Научный центр в Дубне. Ещё папа сказал, что с декабря начал получать надбавку за кандидатскую степень.

– Появились некоторые перспективы.

– А как с «высокоэкономичным двигателем»? – спросила мама. – Нашёл новый источник энергии?

– Главный источник энергии во все времена – мысль, – ответил папа. – Надо только научиться претворять её в жизнь.

– Юбер аллен гипфайн ист рух. Горные вершины спят во тьме ночной! – с чувством продекламировала бабушка. – Какое замечательное стихотворение написал Вольфганг Гёте и как чудно перевёл его наш поэт Михаил Юрьевич Лермонтов!

Москва